

© Д.Е. ЭРТНЕР, О.Б. КЛЕВЦОВА

edasha@mail.ru, olga_bk@mail.ru

УДК 81'22

ПРОСТОРЕЧНЫЕ ФОРМЫ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются закономерности функционирования и возможные интерпретации просторечных форм в языке и тексте. Просторечия, являясь частью повседневного быта, формируют специфические механизмы, определяющие мышление и характер речи, кодируют наше восприятие окружающего мира. В этой связи мы рассматриваем просторечные формы, языковые единицы, принадлежащие к сниженному регистру речи, как поликодовый механизм культуры. Исходя из данной предпосылки, просторечный культурный код в языке и художественном тексте (на материале русскоязычных переводов поэзии Роберта Бернса) интерпретируется на различных иерархических уровнях языковой системы. Анализ практического материала показал, что компелляция языковых единиц разных стилистических регистров рождает индивидуальный стиль автора, может передать дух целой эпохи, уникальность той или иной культуры.

Просторечные формы строятся на семантизации окружающей человека действительности, создают единый культурный код, предполагающий синтез понятий: просторечия как языковой рудимент и просторечия как средство языковой экспрессии. В силу своей экспрессивной природы они являются неотъемлемой частью языка, обогащающей его коммуникативную систему, способствующей развитию языка и культурных контекстов.

SUMMARY. The article deals with the laws of functioning and possible interpretations of substandard language forms in linguistic and literary discourse. Substandard language forms, as part of everyday life, create specific mechanisms that determine the nature of thought and speech, encode perception of the world. In this regard, we consider substandard language forms (linguistic units belonging to a low speech register) as a multimodal mechanism of culture. Based on this premise, substandard language cultural code in speech and a literary text (on the basis of the Russian translation of Robert Burns' poetry) is interpreted at different hierarchical levels of the language system. The survey of actual material showed that the compilation of linguistic units belonging to different stylistic registers creates an author's individual style and can capture the spirit of an era and the uniqueness of a particular culture.

Substandard language forms are based on the semantization of human reality; they create a common cultural code, involving the synthesis of concepts: substandard language forms as a linguistic rudiment and substandard language forms as expressive means. Due to their expressive nature, substandard language forms are an integral part of a language, enriching its communication system, encouraging the development of a language and cultural contexts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Просторечная форма, метафора, культурный код.
KEY WORDS. Substandard language form, a metaphor, a cultural code.

Основными вопросами описания всякой семиотической системы, языка и культуры, являются отношения элементов внутри системы, языковых знаков, и отношения элементов системы к окружающему миру (язык и культурный контекст). Именно благодаря данной бинарности — влиянию на внутреннюю систему извне — язык и способен развиваться. Таким образом, говоря о просторечной лексике, проблема не может быть просто сведена к противопоставлению уничижительной / общеразговорной лексики и литературной нормы, а мы можем описать эту систему в терминах моделирования. Просторечия, являясь частью повседневного быта, формируют специфические механизмы, определяющие мышление и характер речи [1; 110]. Данные языковые единицы кодируют наше восприятие окружающего мира. Принимая за аксиому, что когнитивные механизмы мышления — универсальны, просторечия определяют механизмы индивидуального выбора культурологической наполненности элементов, тесно связаны с мифологическим сознанием языковой личности. Они перестают быть чисто формальными организаторами текстового пространства и, в силу своей природы, обрастают новыми смыслами, апеллирующими к мифологической традиции.

Данные языковые техники обладают двоякой природой: низкопробностью и способностью к оформлению художественного пространства. Поскольку любая картина мира антропоцентрична, просторечные формы образуются на основе обывательского представления о мире, окружающем человека и включающим его в семиозис [2].

В последнее время существует широкая традиция изучения языковых единиц в терминах описания их когнитивной структуры через моделирование отношений. Так, можно говорить о сложившейся теории когнитивной метафоры, когда метафора видится специфическим языковым кодом, механизмом мышления. Появились предпосылки описания иронических высказываний в терминах моделирующей лингвистики, когда значение трансформируется в парадигме денотативное — иносказательное, ироническое. В этой связи мы предлагаем рассматривать такие языковые единицы, просторечные формы, принадлежащие к сниженному регистру речи, как поликодовый механизм культуры. В данной традиции каждую просторечную единицу можно описывать через сферу-мишень и сферу-источник, трансформация значения происходит в парадигме сфера-денотат — сфера иносказательного смысла [3; 138]. Конечно, нельзя говорить о полной трансформации смысла в просторечных формах (смысл не искажается полностью), но, безусловно, их семантика далека от прямого предметного значения. Особенность данных форм состоит в том, что в данных единицах трансформация происходит не столько на уровне семантики, сколько на уровне экспрессивного потенциала. Иногда за просторечными выражениями закреплен некий метафорический или метонимический образ, но, в большинстве случаев, экспрессивность заложена в образно-эстетическом коде формы языковой единицы [4].

Исходя из данной предпосылки, мы изучаем просторечный культурный код в языке и художественном тексте на различных иерархических уровнях языковой системы.

Просторечные лексические формы реализуют потенциал культурного кода через социокультурный аспект коммуникативной компетенции субъектов коммуникации. Просторечие противостоит литературной норме, являясь, с одной стороны, явлением уходящим, характеризующим ситуации неформального сниженного общения (речь образованного человека должна быть свободна от просторечий), а с другой стороны — способом создания определенного эффекта иронии, дистанцирования, акцентуации (поскольку у образованного человека переключение с одного регистра на другой происходит достаточно свободно, что и позволяет использовать просторечные формы не для прямой номинации, а для достижения некоего психологического, эмоционального, стилистического эффекта) [5].

Так, просторечие рассматривается нами как своеобразная семиотическая структура, образованная планом выражения и планом содержания. Если номинация в естественном языке происходит по схеме *реальность — человек — языковой знак*, то образование просторечной номинации исходит из интенции говорящего, воспринимающего и осознающего реальность, эмоционально самовыразиться, порождая яркие образы, выдвигая на первый план образно-эмоциональный компонент своего значения [6]. При образовании просторечных номинаций используется имеющийся языковой инвентарь, приобретающий экспрессивно «сниженные» оценочные оттенки от фамильярности до грубости, которым в литературном языке есть нейтральные синонимы (шарахнуть — ударить, дрыхнуть — спать, драпануть — убежать)*, а также иные способы образно-описательной номинации реалий, которым нет номинаций в литературном языке, например, забулдыга.

Человеческий фактор объясняет зоны смыслов, покрываемые просторечными номинациями. Антропоцентризм — неотъемлемое свойство просторечных форм, что связано с биологическими, социальными, этническими, индивидуально-личностными, профессиональными свойствами говорящего субъекта в условиях его существования в социуме [7], [8]. Просторечный культурный код моделирует действительность в пространстве семантической сферы «быт человека», которая, с одной стороны, выступает сферой-источником, а с другой — сферой-целью просторечной языковой семантики. Функционируя в рамках данного замкнутого круга, сфера «быт человека» изначально обладает отрицательной коннотацией, способствуя упрощению всего образа.

Знание об окружающей действительности позволяют человеку подвергать номинации ассоциативно-интерпретативной обработке и эмоционально рефлексировать. Следовательно, на лингвистическом уровне мы можем говорить о трех зонах просторечной номинации, актуализирующей способности индивида: именной, предикативной и дейктической. Представляется возможным выделить следующие параметры семантической сферы «быт человека»: в рамках именной номинации мы наблюдаем субъектно-объектные наименования (забулдыга, образина, пузо), и атрибутивы (муторный, нахрапистый, толсторожий), предикация конституируется предикативными конструкциями (втемяшиться, дрыхнуть, облапошить, хапать), а дейктическая номинация определяет пространственно-

* Здесь и далее примеры языковых номинаций приводятся по Толковому словарю русского языка Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. [9].

временное соотношение: вовнутрь, давеча, завсегда, напололам, отродясь. Взаимоотношение выдвинутых параметров в ментальном пространстве говорящего субъекта можно трактовать следующим образом — пространственно-временные параметры создают некий континуум, который затем наполняется объектами, имеющими определенные характеристики и выполняющими некие действия.

Пространственный континуум выстраивается в соответствии с векторами внутреннее/внешнее (вовнутрь, напролом, сбоку), отделение/объединение (напололам), континуальный/дискретный, далекий/близкий, мало/много (вообще, вполне, вроде, гуртом, как (усиление смысла). Временной континуум выстраивается по векторам континуальности и прерывности (вечно). Ряд неопределенных наречий фиксируют пересечения пространственного и временного континуумов в формах просторечных омонимов как-нибудь (как-нибудь/когда-нибудь), как-то (каким-то способом/однажды), вперед (пространственное направление), впереди (в будущем).

Анализируя именные и предикативные номинации, наблюдаем перенос семантики сферы-источника «Человек» в иные семантические пространства. Метафорические механизмы помогают достичь некой системности и социокультурно организовать просторечные номинации. С целью установления особенностей функционирования метафоры в образовании просторечных номинаций мы выявили следующие типы: *антропоморфные метафоры* и *зооморфные метафоры*. Все анализируемые подтипы мы относим к семантической сфере «Человек», подразделяя антропоморфные метафоры на: *пространственно-бытовые, соматические и зооморфные*. Последние относятся к данной сфере в силу того, что номинация, используемая в процессе метафоризации, актуализирует значение одомашненных животных, либо паразитирующих на человеке. То есть, хотя и подчеркивается их живое происхождение, они также вербализуют быт человека.

В основе *бытовых метафор* в просторечных номинациях лежат следующие таксоны: *помещение*: аквариум, дыра; *предметы быта*: канитель — тонкая металлическая нить для вышивания / нудное, с проволочками тянущееся дело; картинка — иллюстрация, рисунок в книге или отдельный рисунок / картинка — кто-то/что-то очень привлекательное, красивое, нарядное, загляденье; карусель — вращающееся устройство для катания по кругу, с сиденьями, сделанными в виде кресел, лошадей, лодок / карусель — канитель, неразбериха; *еда*: каша — кушанье из сваренной или запаренной крупы / каша — нечто беспорядочное, путаница.

Антропоморфная метафора устанавливает трансформацию смысла между номинацией частей человеческого тела и самим человеком.

Также к антропоморфной метафоре мы относим перенос смысла с более конкретных действий человека — на более абстрактные, связанные с мышлением, поведением (кадить — перенос с конкретного действия — курить ладаном, размахивая кадилом — на лстыть, заискивать; каяться — исповедоваться в грехах / каяться — сожалеть, признавать свою ошибку).

Зооморфная метафора является механизмом номинации человека, например, свинья — домашнее животное / свинья — тот, кто поступает низко, подло, а также — грязный человек, неряха; или, к примеру, каракатица — голо-

воногий морской моллюск, выделяющий коричневое красящее вещество / каракатица — коротконогий, неуклюжий человек.

Продуктивными средствами, которые участвуют в объективации категории признака и предикации, являются те же метафорические закономерности, что и при предметной номинации: канительный — медлительный, любящий канителится.

Художественный текст, в принципе, использует возможность оперировать понятиями разных уровней: от общеупотребимых единиц, соответствующих литературной норме, до просторечных форм и выражений [10]. Принято считать, что перенасыщенность разговорными клише, низкого регистра речи принижает и весь текст. Но, зачастую, компелляция языковых единиц разных стилистических регистров рождает индивидуальный стиль автора, может передать дух целой эпохи, уникальность той или иной страны, культуры. В этой связи особого интереса заслуживают русскоязычные переводы поэзии известного шотландского поэта Роберта Бернса, чьи поэтические произведения изобилуют просторечиями и вульгаризмами. Творя на стыке Просвещения и Романтизма, поэт использует пасторальную традицию, романтизируя ее посредством неожиданного смешения стилей, рисуя образы при помощи просторечных форм [11; 124].

Так, переводчики, адаптируя его поэтические просторечные коды, встраивая образы поэта-пахаря в ассоциативный контекст «современной» русской культуры, иногда прибегают к использованию не просто просторечий, а выражений, зачастую приближающихся по своей стилистике к блатному сленгу. Сейчас мы не будем говорить об уместности данных конструкций вообще, заметим только, что, не смотря на негативное отношение к подобной лексике в обществе в целом, поэтический текст приобретает особую стилистическую и культурную направленность, свою изюминку и индивидуальность.

«Эдибуржанки косили под французенок...»^{*} словоформа «косить под кого-то» (подражать) обладает в русскоязычном сознании особой коннотативной спецификой, которая одновременно включает в себя экспрессивную оценочность и, совместно с другими просторечными формами, пронизывают весь текст, моделируя усовершенствованный словесный каркас. Объем значения расширяется не только на семантическом уровне, но происходит своего рода «перекодировка» эстетических ценностей. В поэтическом тексте подобная лексика становится особым механизмом, сменяющим код языковой единицы и трансформирующий сугубо русскую просторечную словоформу в специфическую реалию, передающую колорит другой культуры. А в силу присущей ей экспрессивности и встроенности в коммуникативную модель, благодаря переплетению с общелитературными формами, способствует множественности интерпретаций.

*Но коли зенки ты зальешь / прокисшим старым зельем,
Весь околоток заблужешь, / не справишься с похмелем.*

В художественном тексте сленговое выражение «залить зенки», (напиться) не актуализирует сферу своего повседневного использования, а напротив, интерпретируется как особый, яркий стилистический прием. В частности данная форма построена на метафорическом переносе. Человек представляется как

^{*} Здесь и далее примеры поэтических микроконтекстов цитируются по Бернс Р. Собрание поэтических произведений [12].

некий контейнер, резервуар, в который заливается жидкость (алкоголь). При этом словоформа «зелье», имеющая мифологическую семантику, в просторечном контексте трансформируется в «алкоголь не лучшего качества». Ярко прослеживается общий отрицательный коннотативный фон. «Зенки — глаза» вербализуют метонимическую модель «человек — часть тела человека», ведь именно по глазам можно сказать, что человек пьян. Эклектичное смешение разных слоев лексики позволяет просторечиям функционировать в качестве стилистических средств, обладающих ярким, образным, экспрессивно-оценочным потенциалом.

Современные переводчики по-новому интерпретируют уже существующие образы, создавая интересные переплетения смыслов. Так, «А потому — оставь алчбу» в контексте с примерами, рассмотренными выше, интерпретируется в современном русском языке как неологизм, построенный на основании уже существующих форм, и языковых законов и приобретает значение «выпивки». Между тем, изначально, «алчба» это устаревшее слово, имеющее исконно русскую природу (жаждать, стремится). Происходит не только сужение понятия, но и полная трансформация значения, перенос в новую смысловую сферу. Устаревшая, вышедшая из обихода форма получает новую жизнь, увеличивая объем словарного значения, заново кодируя актуальное восприятие посредством перехода от высокого стилистического регистра к низкому.

Хотя понятно, — не подмажь — / лошадка не поскачет...

Утрированно разговорная форма «подмазывать» в значении «подкупить, дать взятку» в поэтическом тексте так же получает свое смысловое развитие и воспринимается как специфическое стилистическое средство создания образа. Переключение регистров становится когнитивным механизмом, благодаря которому просторечные, разговорные формы получают свое развитие, органично встраиваясь в систему языка, насыщая литературный язык экспрессивными кодами, благодаря семантической компрессии и, заключенной в них, звуковой полифонии.

Ироническое моделирование является одной из наиболее распространенных сфер применения просторечий в художественном тексте. Трансформация, построенная на смешении лексических знаков разных стилей, приводит к тому, что данные выражения практически невозможно вырвать из контекста, они становятся фоно-детерминированными: «Нам красно-синие цвета завещаны веками. / А на побитых гамма та проступит синяками». Изначальная пафосность речи: «гамма», «завещанный», «века» — снижается за счет иносказательного противопоставления цветов национального флага и синяков, полученных в драке. В основе иронии лежит метафорический образ, построенный на цвете. Подобная лексическая и семантическая комбинаторика оживляет контекст, насыщая его новыми оттенками эмотивной окрашенности.

Комбинирование слов разных стилистических регистров способствует двойственному осмыслению: «Омары ножками сучат и краб крадется...». Иронический подтекст проявляется благодаря компелляции просторечной формы глагольной конструкции «сучить ножками» (быстро перебирать) и номинации деликатеса, типичного для высших слоев населения (омары). Образ становится более рельефным, выпуклым, визуальный ряд насыщается новыми экспрессивными нюансами.

Просторечные формы, таким образом, лежат за пределами нормы (построены по нормативным законам, но нарушают их). Однако речь идет не об обеднении литературной нормы, ее упрощении, а о новом развитии языковых форм, происходящем за счет применения стилистических приемов, позволяющих выйти за пределы предсказуемости. Противопоставляемые стилистические регистры меняются доминирующими признаками и, в результате, слова высокого регистра занижаются, а просторечные формы переходят в разряд стилистических механизмов создания образа.

Как можно заметить, большинство трансформаций происходит в семантических сферах «Человек» — «Человек», таким образом, актуализируется бытовая реализация, опредмечивание романтических образов. Ироническое соположение стилистических регистров, тропеическое моделирование просторечий актуализируют и применение метафорических конструкций: «Зато стригут нас как овец жестокие налоги», «Вода стоячая в болоте — душа у вас», зооморфных метафор применительно к сфере-источнику «Человек»: «вошь», «собака», «свинья». В результате общий набор смысловых различий все время обогащается за счет новых и новых смысловых оттенков.

Таким образом, просторечные формы строятся на семантизации окружающей человека действительности, создавая единый культурный код, предполагающий синтез понятий: просторечия как языковой рудимент и просторечия как средство языковой экспрессии. В силу своей экспрессивной природы они являются неотъемлемой частью языка, обогащающей его коммуникативную систему, и искоренение их невозможно. Просторечия являются особым механизмом активации мифологического пласта в структуре культуры и текста.

Возвращаясь к исследованию соотношения внутренней структуры языка и внешней действительности, мы приходим к выводу, что наличие просторечий внутри языковой системы интерпретируется как деградация отдельной языковой личности и культуры в целом, а если мы рассматриваем данные языковые знаки во взаимодействии с окружающей действительностью, в культурном контексте, то они представляются механизмами, призванными обогатить язык. Язык, как семиотическая система, развивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьячок М.Т. Русское просторечие как социолингвистическое явление // Русский филологический портал Philology.ru. Гуманитарные науки. 2003. № 21. С. 102-113.
2. Эртнер Е.Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы // Вестник ТюмГУ. 2011. № 1. Филология. С. 6-13.
3. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135-146.
4. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. London: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
5. Бельчиков Ю.А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 402.
6. Клевцова О.Б. Исторический принцип в реконструкции ментальных структур // Вестник ТюмГУ. 2006. №8. С. 210-213.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.
8. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. 768 с.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. Thomas, J. *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London: Longman, 1995. 224 с.
11. Эртнер Д.Е. Метафорический код поэзии Р.Бернса: к проблеме интерпретации метафорических концептов // Вестник ТюмГУ. 2011. № 1. Филология. С.120-125.
12. Бернс Р. Собрание поэтических произведений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999. 704 с.

REFERENCES

1. D'jachok, M.T. Russian colloquial language as a sociolinguistic phenomenon. *Gumanitarnye nauki — Humanities*, No. 21. Moscow, 2003. Pp. 102-113 (in Russian).
2. Jertner, E.N. Geocultural approach to researching the spatial imagery of Russian literature. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2011. No. 1. Philology. Pp. 6-13 (in Russian).
3. Petrov, V.V. Metaphor: from semantic conception to cognitive analysis. *Voprosy jazykoznanija — Linguistic Inquiries*. 1990. No. 3. Pp. 135-146 (in Russian).
4. Lakoff, G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. London: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
5. Bel'chikov Ju.A. Colloquial expressions. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' — Linguistic Encyclopaedical dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia publ., 1990. 402 p. (in Russian)
6. Klevtsova, O.B. Historical principle in reconstruction of mental structures. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2006. No. 8. Pp. 210-213 (in Russian).
7. Lotman, Ju.M. *Semiosfera [Semiosphere]*. Saint-Petersburg, 2000. 704 p. (in Russian)
8. Lotman, Ju.M. *Istorija i tipologija russskoj kul'tury [History and Typology of Russian Culture]*. Saint-Petersburg, 2002. 768 p. (in Russian)
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian Language]* / Russian Academy of Science. Vinogradov Russian Language Institute. Moscow: Azbukovnik publ., 1999. 944 p. (in Russian)
10. Thomas, J. *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London: Longman, 1995. 224 p.
11. Ertner, D.E. Metaphorical code of R.Burns' poetry: to the problem of metaphorical concepts' interpretation. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2011. No. 1. Philology. Pp. 120-125 (in Russian).
12. Burns, R. *Sobranie poeticheskikh proizvedenij [The Collection of Poetry]*. Moscow: RIPOL Classic Publ., 1999. 704 p. (in Russian)